

ОТ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЭССЕНЦИАЛИЗМА» К ТОТАЛИТАРИЗМУ: НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР КАРЛА ПОППЕРА С ПЛАТОНОМ

ЭТИКА И ПОЛИТИКА ПЛАТОНА¹

© 2020 г. В. Н. Жуков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 21.10.2020 г.

Аннотация. В статье рассматривается критический анализ К. Поппером взглядов Платона на этику и политику. Анализируется связь справедливости с тоталитаризмом в контексте воззрений Поппера и Платона. Раскрывается проблема социального идеала в связи с демократией, тоталитаризмом и революцией.

Ключевые слова: Поппер, Платон, тоталитаризм, демократия, справедливость, утопическое сознание, революция.

Цитирование: Жуков В.Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном // Государство и право. 2020. № 12. С. 25–34.

DOI: 10.31857/S102694520012728-1

FROM “METHODOLOGICAL ESSENTIALISM” TO TOTALITARIANISM: UNFINISHED DISPUTE KARL POPPER WITH PLATON

ETHICS AND POLITICS OF PLATON²

© 2020 V. N. Zhukov

Lomonosov Moscow state University

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 21.10.2020

Abstract. The article deals with a critical analysis of K. Popper of Platon's views on ethics and politics. The connection between justice and totalitarianism is analyzed in the context of Popper and Platon's views. The problem of the social ideal in connection with democracy, totalitarianism and revolution is revealed.

Key words: Popper, Platon, totalitarianism, democracy, justice, utopian consciousness, revolution.

For citation: Zhukov, V.N. (2020). From “methodological essentialism” to totalitarianism: unfinished dispute Karl Popper with Platon // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 25–34.

¹ Данная статья является третьей в цикле публикаций, посвященных творчеству К. Поппера, взаимосвязи его эпистемологии и политических взглядов. Первые две статьи из этого цикла см.: Государство и право. 2020. № 10. С. 34–44; № 11. С. 15–29.

² This article is the third in a series of publications devoted to the work of K. Popper, the relationship of his epistemology and political views. For the first two articles in this series, see: Gosudarstvo i pravo=State and Law, 2020, No. 10, pp. 34–44; No. 11, pp. 15–29.

Этика и политика Платона

Критикуя этику и политику Платона, Поппер допускает больше всего перекосов, вызванных его политической пристрастностью. Дело доходит до прямых оскорблений: Платон в изображении Поппера выглядит едва ли не мошенником, скрывающим свой материализм, атеизм и стремление к власти под видом благопристойного, респектабельного учителя жизни, призывающего сохранить свою «бессмертную душу» и перейти в мир идей. Поппер демонстрирует «слишком человеческое», превращаясь из гуманиста и апологета компромисса в политического радикала, не знающего моральных ограничений. Либерал Поппер, без сомнения, переходит всякие границы, причисляя Платона, Гегеля и Маркса к пособникам нацизма.

Для греков и римлян справедливость — идеальная основа социального устройства, ее соблюдение — условие устойчивости, жизнеспособности и нормального функционирования государства. Поппер это понимает и начинает свою критику политических взглядов Платона с его теории справедливости, которая, как он полагает, лежит в основе его тоталитарного проекта. Согласно Попперу, главное в теории справедливости Платона — отстаивание неравенства и отрицание равенства. Характерная черта этики Платона — антииндивидуализм. Он ненавидит личность и ее свободу, «в сфере политики личность для Платона — сама сатана»³. Платон рассматривает справедливость не как отношение между индивидами, а как свойство государства. Важнейший критерий справедливости — интерес государства, нацеленного на сдерживание всякого развития. А поскольку такое государство может быть только сословным, разделенным на неравноправные классы, справедливость состоит и в том, чтобы поддерживать данное неравенство. В этом смысле, по Попперу, платоновская справедливость означает классовую привилегию. «Платон заменяет учение Фрасимаха о том, что право на стороне сильного, не менее варварским учением о том, что право на стороне всего, что повышает устойчивость и силу государства»⁴. В основе платоновского определения справедливости лежит требование тоталитарного классового правления и решение воплотить его в жизнь. «Принцип, по которому каждому классу надлежит заниматься своим собственным делом, если сказать кратко и по существу, означает следующее: государство справедливо, если правители правят, рабочие работают, а рабы остаются рабами»⁵. Теория справедливости Платона, делает вывод Поппер, есть существо

коллективистской, родовой, тоталитарной морали: «благо — это то, что в интересах моей группы, или моего рода, или моего государства»⁶. Такое понимание нравственности в сфере политики означает, что государство может делать все, что ему позволяет делать его сила (насилие над гражданами, агрессия против других государств).

Поппер утверждает, что холистское, антиэгалитарное понимание справедливости, данное в «Государстве», было нововведением, в Древней Греции под справедливостью понималось прямо противоположное. Платон, зная о широком распространении эгалитарной концепции справедливости, намеренно ее игнорирует, что говорит о его, с точки зрения Поппера, интеллектуальной нечестности. Греческое понимание справедливости было похожим на современное, т.е. было индивидуалистическим и эгалитарным: 1) равное распределение гражданских обязанностей; 2) равенство перед законом; 3) справедливый суд; 4) равное распределение преимуществ. Гуманистическая (либеральная, западная) теория справедливости выдвигает три основных принципа: 1) эгалитаризм; 2) индивидуализм; 3) цель государства — защита свободы своих граждан. Каждому из этих требований соответствует принцип платонизма: 1) защита естественных привилегий; 2) холизм (коллективизм); 3) задача и цель индивида — сохранить и усилить стабильность государства. Согласно Попперу, Платон борется с эгалитаризмом и индивидуализмом, понимая, что это ведет к изменениям и разрушает родовой строй. Одно из средств борьбы, которое избирает Платон, — отождествление индивидуализма и эгоизма, что впоследствии дало основание называть его позицию гуманистической, альтруистической и почти христианской. Поппер оспаривает данное положение, утверждая, что эгоизм может быть и коллективным, а ядро христианской цивилизации — индивидуализм и эгалитаризм.

Политическая программа Платона, утверждает Поппер, не выходит за рамки тоталитаризма. В проектах идеального государства, реконструирующих быт древних греков, звучит призыв вернуться в прошлое. Чтобы усилить негативное восприятие политической программы Платона, Поппер называет ее расистской: под расизмом здесь понимается обоснование классового неравенства с использованием мифа о том, что боги создают людей с примесью золота, серебра, меди и железа. По Попперу, проекты Платона — не теоретические трактаты, а политические памфлеты, обращенные к грекам: создавая их, Платон примеривал на себя роль философа, стоящего во главе государства.

Уже в концепции происхождения государства Платон, по мнению Поппера, расставляет нужные

³ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги / пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. Т. 1: Чары Платона. М., 1992. С. 142.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Там же. С. 128, 129.

⁶ Там же. С. 146.

акценты, обосновывая свои тоталитарные взгляды. Платон, считает Поппер, сочетает договорную и органическую теории государства: люди заключили соглашение в силу их социальной природы. Поскольку индивиду внутренне присуща ограниченность, он не может быть полноценным, что толкает его на объединение с другими людьми. Достичь совершенства люди могут, лишь объединившись в государство и благодаря государству. Только государство способно сделать совершенного человека, только оно может быть самодостаточным. В данном случае идеальное государство предстает совершенным индивидом, а отдельный гражданин — несовершенной копией государства. Превосходство государства над индивидом коренится, в частности, в том, что порча государства начинается с индивида, с его вырождения. Одно из крайних проявлений вырождения — революция, вытекающая из разногласий в стане правящего класса. Движущей силой всех революций являются внутренняя разобщенность, классовая война. Только внутренний разлад правящего класса может ослабить его настолько, чтобы его свержение оказалось возможным.

Важнейший компонент тоталитарной концепции Платона — формирование правящего класса в лице философов. «Теория лидерства» Платона, утверждает Поппер, восходит к Сократу, один из фундаментальных принципов которого — моральный интеллектуализм, что означает: 1) отождествление блага и мудрости (все нравственные ошибки проистекают из недостатка знания); 2) моральной безупречности можно научить любого человека со средними умственными способностями. Сократ требовал, чтобы правили лучшие, т.е. интеллектуально честные, лишенные предрассудков и способные к самокритике (исповедают тезис «как мало я знаю»). Подход Сократа отличается от двух других — авторитарного (править должны самые ученые) и аристократического (править должны самые благородные). Моральный интеллектуализм Сократа двойствен: с одной стороны, он отличается эгалитаризмом и демократизмом, с другой — может лечь в основу антидемократических тенденций (необразованный нуждается в авторитете). Интеллектуализм Платона, согласно Попперу, напротив, есть воплощение абсолютного авторитаризма. Платон предлагает не пробуждать самокритику и критическое мышление, а формировать чувство преклонения перед целым (обществом, государством). Сократ понимал под философами людей, которые осознают свое незнание и не претендуют на абсолютную истину. Для Платона философы — это носители абсолютной истины и потому наделенные абсолютной властью. Поскольку государство должно быть копией идеи государства, его должен создавать философ. Философ у Платона — не искатель мудрости, а ее обладатель (откуда, в частности, вытекает право философа лгать). В данном контексте новую

интерпретацию обретают теория истины и теория справедливости у Платона: справедливость не может быть нарушена, поскольку она служит интересам тоталитарного государства, истину можно проигнорировать, если того требуют интересы государства. Формирование класса философов осуществляется на основе двух принципов — институционализма (система поиска и подготовки философов) и персонализма (править должны лучшие и знающие)⁷.

Поппер, отвергая политический проект Платона, предлагает свой, во многом опирающийся на принципы традиционной либеральной демократии «эпохи империализма» (говоря словами Д.А. Гоббсона, Л.Т. Хоббхауса и В.И. Ленина). С конца XIX в. буржуазное государство идет по пути этатизма (вмешательство в экономику, а с ней — в дела общества), социализма (предоставление социальных гарантий трудящимся) и демократизма (признание прав меньшинства, защита его от требований большинства), что нашло отражение в политическом идеале Поппера. Теория государства, выдвигает он свой базовый тезис, должна быть очищена от эссенциализма и историцизма. Не следует искать ответ на эссенциалистский вопрос о природе и вытекающем из нее назначении государства, не надо искать ответ на историцистский вопрос о происхождении государства и истоках политического долга. Рационально поставленный вопрос звучит так: что требуется от государства? Что человек должен предлагать в качестве законной цели государства? Для Поппера теория государства есть прежде всего набор политических требований к государству (одно из главных — защита личности и ее свободы). В данном контексте он критикует теории общественного договора, естественного состояния и естественных прав, поскольку они, с его точки зрения, страдают эссенциализмом (природа государства раскрывается в соглашении) и историцизмом (заключение договора об учреждении государства неизбежно)⁸.

Поппер различает контролируемый и неконтролируемый государственный суверенитет. Разработку теории неконтролируемого суверенитета он связывает с Платоном, который ставил вопрос так: поскольку власть является принципиально неконтролируемой, ее следует передать наиболее достойному. Одна из разновидностей неконтролируемого суверенитета — теория народного суверенитета, являющаяся, согласно Попперу, наивной версией либерализма о правлении большинства. Принцип большинства, рассуждает он, противоречив: с одной стороны, этот принцип требует бороться с тиранией, с другой — большинство может поддержать любое решение, в т.ч. нового тирана. Требование законности также

⁷ См.: Поппер К.П. Указ. соч. С. 166, 168, 169, 172, 173, 178, 185, 186.

⁸ См.: там же. С. 148, 149, 151, 152, 155.

может быть проявлением неконтролируемого суверенитета, т.к. закон может обязывать повиноваться воле одного. По Попперу, в истории никогда не было неконтролируемой политической власти. Любой правитель (даже самый могущественный тиран) никогда не бывает настолько силен, чтобы господствовать над остальными, он всегда зависит от помощников. Контролируемый суверенитет — не только единственно возможный, данную его особенность следует усиливать, придавая ей институциональные формы. Поппер убежден, что ответ на вопрос: «Кто должен править?», — не решает никаких фундаментальных проблем. Правильный вопрос звучал бы так: «Как нам следует организовать политические учреждения, чтобы плохие или некомпетентные правители не нанесли слишком большого урона?». «Было бы безумием основывать все наши политические действия на слабой надежде, что мы сможем найти превосходных или хотя бы компетентных правителей»⁹. Не существует институтов для выбора наиболее выдающихся. Институты не должны быть нацелены на выбор лучших, т.к. это тормозит тягу ученика к знанию и поощряет его учиться ради карьеры. Институциональный выбор интеллектуальных лидеров ставит под угрозу жизнь не только науки, но и интеллекта. Интеллектуальное совершенство коренится в духе критицизма и интеллектуальной независимости, что отвергает любую форму авторитаризма. Авторитарный правитель выбирает только посредственность¹⁰.

Контролируемый суверенитет, согласно Попперу, демонстрирует современная западная демократия, что, с его точки зрения, является собой значительное достижение в социальной инженерии. Главное в либеральной демократии — не принцип большинства, а «различные эгалитаристские способы демократического контроля» (всеобщие выборы и представительная власть), нацеленные на предотвращение тирании. Западная демократия обеспечивает реформирование политических институтов не с помощью насилия, а опираясь на разумное проектирование новых институтов и регулирование старых. Однако такая разумность не может быть гарантирована, если интеллектуальные и моральные качества граждан не будут отвечать необходимым требованиям. Улучшение демократических институтов, делает вывод Поппер, зависит от личности: повышение качеств личности ведет к улучшению качества институтов демократии. Он также выступает за умеренный этатизм, чтобы гарантировать свободу на основе ее ограничения и регламентации, признавая при этом всю трудность не перейти разумные пределы такого ограничения. Один из критериев свободного общества таков: если правительства могут быть смещены

с использованием законных механизмов — это демократия, если с использованием переворота — это диктатура¹¹.

Поппер утверждает, что Платон защищает неравенство и отвергает равенство (даже не упоминает его), что по большей части неверно. Неверно также и то, что, по словам Поппера, современная либеральная демократия строится на индивидуализме и эгалитаризме. И Платон, и Аристотель признают и справедливость равенства, и справедливость неравенства. Проект в диалоге «Государство» строится на обоих принципах: в основе сословного строя лежит принцип неравенства (сословия между собой не равны), внутри сословий (особенно стражей) — принцип почти абсолютного равенства. Если говорить о практике стран «реального социализма», то там как раз провозглашался и по преимуществу господствовал принцип равенства. Даже партийно-государственная бюрократия не могла себе слишком много позволить (в смысле материальных благ), поскольку это противоречило нормам партийной морали и законам (некоторое исключение составляли партийные вожди, но также с большими оговорками). Буржуазная государственность изначально строилась на обоих принципах: равенстве (перед законом, в сделках) и неравенстве (в имущественном отношении). Даже возникновение т.н. социального государства на Западе не изменило сущность капитализма: имущественное расслоение продолжает оставаться там основополагающей нормой. Платон в своем первом проекте борется прежде всего против неравенства, т.к. именно оно, с его точки зрения, стимулирует эгоизм и делает возможным распад государства. Именно борьба Платона за равенство лишает его граждан (стражей) индивидуальной свободы, делает их почти роботами, подчиненными общему плану, созданному философами. Только полное равенство, по логике Платона, способно обеспечить тотальный контроль за гражданами, не дать им нарушить справедливость и спасти их души для загробной жизни. Кстати сказать, данную установку Платона вполне можно представить как попечение государства о благополучии своих граждан, что имеет место в любой стране независимо от исторической эпохи и культурных условий. Любая государственная власть устанавливает правопорядок, требующий от людей некоего минимума соблюдаемых норм, нарушение которых повлекло бы за собой разрушение не только государства, но также базовых принципов коллективного существования. Платон понимает эту особенность государственной власти, но доводит ее до неприемлемой крайности.

Поппер обвиняет Платона в том, что для него справедливость есть выражение родового, племенного сознания. Платон, рассуждает он, вкладывая в понятие справедливости архаическое содержание, тянет

⁹ Поппер К.Р. Указ. соч. С. 163.

¹⁰ См.: там же. С. 161–164, 176, 177.

¹¹ См.: там же. С. 150, 164, 165, 167.

греков назад, в родовой строй. Очевидно, что Платон имел в виду эту цель, но от этого его понимание справедливости не становится ложным. Более того, в отличие от Поппера, который руководствуется в своей критике по большей части политико-идеологическими мотивами, Платон раскрывает существо справедливости. Человек — стадное существо, в этом смысле со времен первобытного общества ничего не изменилось и измениться не может. Эгоизм коллектива всегда будет доминировать, а индивид будет жить по его правилам. Изменить такое положение дел не только невозможно, но и опасно. Доминирование интересов индивида чревато распадом, гибелью коллектива, общества, государства. Поппер представляет дело так, будто в XX в. либеральная демократия изменила существо человека, сделав его альтруистом, гуманистом и поборником индивидуальной свободы. Действительно, материальное изобилие западных обществ создало условия, при которых общество и индивиды могут позволить себе гуманизм, альтруизм и широкий набор прав и свобод. Но родовая, первобытная сущность человека от этого не исчезает, животные механизмы, определяющие жизнь общества и его институтов, по-прежнему главенствуют. Так называемая высокая духовность буржуазной цивилизации есть всего лишь тонкий слой культуры, который едва сдерживает напор инстинктов, интересов и страстей. Справедливость — это выражение в конечном счете не столько духовной, сколько животной природы человека. Сознание человека фиксирует конфликт интересов (между индивидами, индивидом и обществом) и предлагает формулу, устанавливающую их баланс, чем, собственно, и является справедливость. Проблема как раз в том и состоит, что животная природа человека никуда не исчезает и каждый раз на новом повороте истории может давать себя знать. Архаическое, родовое сознание прорывается всякий раз, как только меняются привычные условия жизни и индивидуальный и коллективный эгоизм перестает удовлетворяться в полной мере. Тоталитарные режимы появляются не только потому, что партийные вожди зовут их в национальную архаику, сама родовая, первобытная, животная природа человека требует примитивных форм поведения. Западные европейцы, как верно сказал Э. Фромм, устав от свободы и цивилизации, в 20–30-е годы XX столетия повсеместно переходят к диктатуре, поскольку она в тот исторический период в большей мере отвечала их животным инстинктам.

Попперу не нравится, что Платон объявляет индивида частью коллектива, общества, государства. Ему претит идея, что только в государстве человек обретает себя и становится полноценным человеком. На самом деле здесь Платон абсолютно прав. Вспомним Маркса, который в «Тезисах о Фейербахе» утверждал, что личность есть пересечение общественных отношений. Проблема значительно сложнее, чем ее хотят

представить либералы вроде Поппера. Действительно, западноевропейская культура пронизана началом индивидуализма, идеей самоценности личности, свобода для западного европейца — одна из базовых ценностей, начиная с раннего средневековья. Вместе с тем свободу он изначально понимал как самоограничение («граница моей свободы заканчивается там, где начинается свобода другого»), как элемент дисциплины (трудовой, военной, религиозной). В контексте западноевропейской культуры требование свободы обнажает многочисленные связи индивида, его включенность в различные социальные институты. Только участвуя в социальных группах, индивид реализует себя как личность. Благодаря свободной целеполагающей деятельности, осуществлению функциональных связей, личность получает своеобразное признание своей ценности в глазах других людей, что и делает ее востребованной и действительно полноценной единицей общества. В жизни так понятая свобода не противоречит ни тоталитаризму, ни демократии. Свобода как реализованная дисциплина, как процедура вполне вписывается в любой политический режим, поскольку он является частью западноевропейской культуры. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что либеральные демократии Запада достаточно естественно и легко перерастали в тоталитарные режимы. Тоталитаризму ставится предел не абсолютизацией прав и свобод человека, а стремлением большинства оградить себя от произвола власти.

Поппер, выражая политико-идеологические клише западного общества о безграничных возможностях человека (идеологема, сформированная в эпохи Возрождения и Просвещения), отвергает положение Платона, что каждый индивид или класс должен занимать свое, фиксированное место и не претендовать на другое. В мире либеральных аксиом, где пребывает Поппер, принято рассматривать человека как деятельное творческое существо, способное едва не изменить свою собственную природу. Главное — поставить цель и приложить необходимые усилия, результат не заставит себя ждать. Действительно, возможности индивида, как правило, скрыты даже от него самого, что при наличии у него воли и амбиций мотивирует его максимально расширять горизонт своей деятельности. Вместе с тем также очевидно, что у каждого есть свой потолок возможностей, которые преодолеть индивид не в силах, не изменив свою природу, а она у каждого своя и в принципе неизменна. Тезис Платона «каждый должен знать свое место», по логике его мысли, нацеливает не на бездействие и пассивное созерцание своих ограниченных возможностей, а на их реалистическое понимание. Платон прав в том, что каждый человек может ровно столько, сколько может, но он, к сожалению, часто не знает, сколько он может. Оценка способностей индивида со стороны коллектива более объективная, но

также не является абсолютной. Платоновское понимание справедливости в значительной мере отражало сословно-кастовый строй древних обществ. В условиях современного Запада подход Платона представляется неадекватным, реакционным, нарушающим базовые мировоззренческие принципы либеральной демократии. Вместе с тем надо понимать, что любое общество всегда и везде (в т.ч. современное западное) строится по иерархическому принципу. Любая профессиональная сфера, включая политику, представляет собой совокупность индивидов, выстроенных системно, функционально между собой связанных. Профессиональное сообщество, а не индивид решает, какое место он будет занимать в данной иерархии. Здесь следует вспомнить классиков социологии и политологии Г. Моску и В. Парето, которые убедительно показали, что формальные принципы либеральной демократии есть только верхний слой, один из элементов сложного процесса формирования общества и его элит. В данном случае Платон раскрывает природу вещей, Поппер занимается политической пропагандой. Поппер, стремясь подчеркнуть ценность любой личности, фактически встает на позиции ложно понятого гуманизма. Если руководствоваться его идеологическими догмами, к власти могут прийти люди, которые из-за своих негодных качеств, своего некомпетентного руководства способны поставить страну на край социальной катастрофы. Общество не может себе этого позволить, природные инстинкты масс берут свое: социальная пирамида выстраивается более или менее естественно, а значит и справедливо.

Со времен Б. Констана и А. Токвиля либеральная мысль все более ставит под сомнение принцип большинства, противопоставляя ему императив защиты прав меньшинства. Якобинский террор, остановленный Наполеоном, настолько потряс просвещенную Европу, что он обсуждается вплоть до 20-х годов XX в., когда набирает популярность идея диктатуры. Коммунистические и фашистские диктатуры, во многом формировавшиеся под знаменем народного суверенитета, также в значительной мере девальвировали принцип большинства. В этом смысле Поппер справедливо усматривает в принципе большинства угрозу либеральной демократии. Он предлагает сместить акцент с «воли большинства» (как это было у Локка и Руссо) на механизм демократического контроля, полагая, что это не отменяет базовые принципы демократии. На самом деле Поппер именно их и ставит под сомнение. Его отношение к демократии в конечном счете глубоко скептическое, намеренно закрываемое бравадой о «постепенной социальной инженерии». В данном случае Поппер правильно указывает на главную болевую точку либеральной идеологии — теорию народного суверенитета. Народ может быть назван безусловным источником власти только в одном смысле — как почва, энергетический

резервуар, культурная среда, дающая жизнь любым социальным формам (идеям, ценностям, нормам, институтам, хозяйству, технике, науке, искусству и т.д.). Народ как источник государственной власти в политико-юридическом аспекте — тезис, требующий особого культурного контекста и массу теоретических оговорок, в своей абстрактно взятой формуле — это по большей части идеологическое клише либеральной пропаганды, освоенной буржуазией во времена ее борьбы за власть с феодальной аристократией. В настоящее время популярность данной идеологии огромна, трудно найти конституцию, где бы она не присутствовала. Причин такого положения дел как минимум две. Во-первых, это следствие политического влияния стран Запада, где формула народного суверенитета считается аксиомой. Во-вторых, апелляция к народу — отличное оружие любых политических сил, стремящихся прийти к власти. Выступая от имени народа и под лозунгами борьбы за его интересы, политически весьма выгодно бороться за власть и расправляться со своими политическими противниками. В любых исторических условиях (античная или буржуазная демократия, авторитарные и тоталитарные режимы XX–XXI вв.) народ никогда не был субъектом политики, но всегда — объектом политического манипулирования. История отводит массам роль либо пассивного наблюдателя, либо слепой силы, возносящей к вершинам власти политических вождей. Подлинные субъекты политики — политический класс, партии и их вожди. Теоретическое обоснование непосредственной и представительной демократии, которое можно найти в любом современном учебнике по конституционному праву, есть лишь умозрительная схема, слабо увязанная с жизнью. Народный суверенитет — разновидность юридической фикции, за которой стоит не столько действительность, сколько логика политического сознания. Как представляется, Поппер это понимает и потому акцентирует внимание не на воле большинства, а на механизме демократического контроля. При этом надо понимать, что контроль за процедурой выборов, деятельностью парламента и правительства есть контроль не «народных масс», а партийных активистов, в большей или меньшей степени связанных с широкими народными массами. Проблема механизма контроля, призванного предотвратить тиранию, состоит также в том, что, во-первых, он также должен стать результатом воли большинства, во-вторых, при определенных условиях может трансформироваться в механизм, обеспечивающий приход к власти лидера вождистского толка. Следует признать, что абсолютных гарантий против тирании нет. Демократическая найденная «воля большинства» и механизм контроля только в том случае могут блокировать поползновения к тирании, если стереотипы массового сознания и поведения отторгают ее на мировоззренческом, ценностном уровне.

Вот в этом и обнаруживается главная роль народа, масс в формировании власти: вырабатывать и задавать ценностные ориентиры, которые становятся императивами политической жизни.

Поппер, обвиняя Платона в том, что тот подчиняет религию интересам государства, ставит важную проблему о конечных целях государства: эти цели сугубо материальные, определяемые эмпирическими условиями жизни людей, или они духовные. Дилемму о конечных целях государства можно встретить в философско-правовой мысли разных исторических эпох. В XIX в., и особенно в XX в., когда политическая пропаганда приобретает огромные масштабы, вопрос о целях государства становится одним из центральных. Поскольку тоталитарные режимы строятся по принципу идеократии (партийная программа вождистского типа ложится в основу организации нового тоталитарного государства), идеологические клише приобретают особое значение. Базовым идеологическим клише становится политический идеал, к которому партийная диктатура призывает стремиться, не жалея жизни своих граждан. Данный политический идеал, будучи одновременно фактом логики и нравственного сознания, представляется властью в качестве высшей духовной ценности. Можно говорить о ее эмпирической обусловленности, но отрицать ее духовный характер невозможно. Политический идеал Платона также имеет значительный эмпирический компонент, но его конечная цель духовна. Поппер утверждает, что платоновский проект нацелен на консервацию развития и регресс в сторону племенных форм жизни. На самом деле это только средство, к которому прибегает Платон ради главной цели — не нарушить справедливость и спасти свою бессмертную душу. Мелочная регламентация необходима, чтобы лишить индивида возможности совершить ложный шаг, способный повредить его душу. Здесь Платон ставит большую философскую проблему: может ли человек пользоваться свободой, обращая ее во благо, или ее следует у него отнять и передать государству? Какой минимум свободы можно человеку оставить, чтобы он не навредил себе и другим? Насколько человек в принципе способен быть свободным и не состоять под опекой государства? Насколько свобода отвечает природе человека? Ответ Платона известен: индивид не способен пользоваться свободой, а потому ее надо у него забрать и отдать власти, в чем и состоит важнейшая задача государства. За явным антидемократизмом такого подхода кроется неизменная истина: коллектив, целое, общество, государство устанавливают рамки свободы для индивида и следят за их соблюдением. У большинства есть твердое, эмпирически подтвержденное представление, что человек, предоставленный самому себе, опасен для себя и окружающих, цели, ценности и нормы его поведения должны быть подчинены императивам коллектива.

В противном случае могут быть разрушены базовые принципы коллективного существования. Таким образом, высшая духовная (она же эмпирическая) цель государства — обеспечить интересы большинства, его безопасность и физическое выживание. В данном контексте проекты Платона не представляются такими уж реакционными. Его проекты — это скорее естественный рефлекс разума на острые социальные конфликты, имевшие место в греческих полисах.

Тоталитаризм, демократия и проблема утопического сознания

Человечество, согласно Попперу, движется от закрытого общества (племенного состояния) к открытому (современной западной либеральной демократии), что представляет собой, с его точки зрения, одну из глубочайших революций в истории человечества. Одно из следствий данного процесса — нарастание социального напряжения, «возникновение реакционных движений, пытавшихся и все еще пытающихся опрокинуть цивилизацию и вернуть человечество к племенному состоянию»¹². Тоталитаризм XX в. — часть этого движения. Сила древнего и нового тоталитаризма в том, что он пытается ответить на реальную социальную потребность. Эту революцию начали греки, и она все еще находится на начальной стадии.

Закрытое общество (племенная организация) основано на мистике, идее предопределения и подавлении личной инициативы. Показательный пример — Спарта, в основе политики которой лежали принципы: 1) защита племенного строя; 2) антигуманизм; 3) автаркия; 4) антиуниверсализм (сохранение различий между нашим племенем и другими); 5) господство (порабощение своих соседей); 6) отказ от роста своей территории. Принципы современного тоталитаризма, утверждает Поппер, в основном совпадают с принципами Спарты, за исключением шестого пункта: современный тоталитаризм тяготеет к империализму. В открытом обществе, напротив, господствуют рационализм, пересмотр социальных табу, постоянно расширяется автономия личности, ослабляются социальные (родовые, племенные) связи. Открытое общество начинается в Греции с возникновением философии, которую олицетворял Сократ. Гераклит и Платон, напротив, выступили в защиту племенного строя, пытаясь обратить историю вспять. Поппер предельно заостряет конфликт между закрытым и открытым обществом, тоталитаризмом и демократией. Попытка Платона, рассуждает он, вернуть утраченное племенное единство вредна, т.к. люди уже никогда не смогут отказаться от разума и заменить его магией. Люди уже не смогут вернуться к государству, основанному на бессознательном подчинении магии.

¹² Поппер К.Р. Указ. соч. С. 29.

«Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму. Начав с подавления разума и истины, нам придется закончить жестоким и насильственным разрушением всего человеческого. Нет пути назад к гармоническому государству природы. Если мы повернем назад, то нам придется пройти весь путь — мы будем вынуждены вернуться в животное состояние»¹³. Способ остаться людьми один — путь в открытое общество.

Согласно Попперу, важнейший фактор, мешающий движению в сторону открытого общества и неизменно воспроизводящий тоталитаризм, — утопическое сознание. В качестве модели утопического сознания он избирает главным образом идеологию тоталитарных режимов XX в. Социальный утопизм, развивая Поппер свою мысль, нацелен на радикальное преобразование общества в целом, а не на решение конкретных проблем (как предлагает «поэтапная социальная инженерия»). Радикализм утопистов вытекает из установки на полное искоренение социального зла, что часто перерастает в невроз, истерию. Утопизм с неизбежностью рождает диктатуру и насилие. Попытка достичь идеального государства требует сильной централизованной власти, запрета критики и инакомыслия, подавление недовольства. Пропаганда, исходящая от тоталитарной власти, не предполагает компромисса и признания ошибок. Создатели утопии объявляются почти богами, всеведущими и всемогущими, что рождает проблему преемника диктатора. Утопизм — одна из разновидностей рационализма, поскольку в нем обнаруживается стремление соотнести цель со средствами. Вместе с тем утопизм — это по большей части проявление иррационализма, т.к. сначала предполагается установить конечные политические цели, а затем подыскивать подходящие средства, что с позиции науки невозможно. Поскольку установление целей относится к сфере метафизики, утопический подход опирается на веру в абсолютный и неизменный идеал. Иррационализм утопистов требует веры в политические чудеса. Поскольку всякая утопия предполагает веру и не поддается рациональным аргументам, между разными утопиями не может существовать взаимной терпимости. Утопист должен победить или сокрушить своих конкурентов, не разделяющих его утопических целей и не исповедующих его утопической религии. В этом отношении утопист также всегда склонен к насилию¹⁴.

Поппер, как ему представляется, опровергает основные посылыки утопического сознания. Полным утопизмом, утверждает он, является стремление

изменить общество в целом, поскольку никто не может сказать, осуществим ли такой проект и к каким последствиям он приведет. Рациональное планирование всего общества невозможно, т.к. люди не располагают эмпирическим знанием, необходимым для реализации этих планов. Идея коренной ломки общества не состоятельна также потому, что общество даже в условиях радикальных реформ должно как-то жить, а это возможно только используя существующие институты и отношения¹⁵. «Метод, требующий сначала установить конечную политическую цель, а затем продвигаться к ней, оказывается бесплодным, если мы допустим, что сама цель может существенно измениться в процессе ее реализации»¹⁶. Радикализм и насилие, ставящие целью коренную ломку общества, нереалистичны и бесплодны (как показал опыт «военного коммунизма» в России, после чего пришлось вводить нэп).

Поппер признает, что его рационализм опирается на иррациональную веру в позицию разумности и что никогда не считал человека вполне рациональным существом. Он подчеркивает, что, поскольку метафизика лежит в основе рационального познания, политический идеал возможен, необходим и может быть реализован, если речь идет о решении конкретных задач, а не воплощении абстрактного добра. Рациональность проявляется в социальной инженерии малых дел, установка на радикальные реформы противоречит рациональности. Обращение к утопизму обусловлено непониманием, что нельзя построить рай на земле. Вера в рационализм, убежден Поппер, победит утопизм, тоталитаризм и насилие¹⁷.

Проблема утопического сознания более или менее системно начинает рассматриваться после Великой французской революции, во времена Реставрации, когда консерваторы и либералы, пораженные гибелью огромного числа людей, отправленных на гильотину, пытаются осмыслить цену воплощения идей эпохи Просвещения (свобода, равенство, справедливость). Якобинский террор вполне оправданно отождествлялся с политическим идеалом Руссо, где права человека растворялись в идее равенства и воле большинства («общей воле»). В методологическом отношении здесь эксплуатировалась просветительская установка о первичности сознания: изменение общественного сознания обуславливает смену всех социальных форм (экономику, государство, право). В дальнейшем данную тему будет развивать Маркс в своих рассуждениях об идеологии как ложном сознании. Несмотря на базовый тезис о первичности производства перед общественным сознанием,

¹⁵ См.: Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1. С. 201, 204, 210.

¹⁶ Там же. С. 203.

¹⁷ См.: Поппер К.Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания. С. 588, 590, 598, 599.

¹³ Поппер К.Р. Указ. соч. С. 248.

¹⁴ См.: Поппер К.Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания / пер. с англ. М., 2004. С. 588, 589, 591, 592, 594.

революционный марксизм придавал огромное значение идеологии (политической пропаганде), ставя своей целью «соединить рабочее движение с социализмом». Проблема утопического сознания (в форме коммунистических идей) становится одной из главных в среде русской эмиграции, выданной из России советской властью и стремившейся объяснить феномен большевизма. В XX в., когда на авансцену истории выходят массы и борющиеся за их поддержку политические демагоги, влияние идеологии становится тотальным. Тоталитарные режимы возникают как реализованные проекты радикальных политических программ. Партия вождистского типа вырабатывает политико-идеологические клише, а придя к власти, внедряет их в жизнь. Во всяком случае внешне это выглядело примерно так, на чем и фокусировал свое внимание Поппер.

Как представляется, Маркс, Ленин, а за ними и Поппер сильно переоценивали возможности идеологического воздействия на массы. Рыночная экономика и правовое государство возникают не потому, что так привлекателен был буржуазный политический идеал, а в силу практических потребностей жизни. Сама логика действительности, развитие общественных отношений вели к становлению новых социальных форм. Буржуазный политический идеал был только следствием, а не причиной возникновения либеральной демократии. Тоталитарные режимы на первый взгляд демонстрируют обратную последовательность. Сначала партия вождистского типа разрабатывает свою идеологию, затем, придя к власти, создает новую экономическую и политическую действительность. Маркс так и предполагал делать: поскольку капитализм в своих недрах не рождает социализм, а только создает для него предпосылки, необходим насильственный захват власти, чтобы затем с помощью пролетарской диктатуры строить новую социалистическую экономику. В данном случае политический идеал (идеология) становился основой нового строя, разрушение которого с неизбежностью вело к утрате партией своей власти. Примерно это наблюдалось во времена горбачевской перестройки, когда эрозия официального марксизма повлекла за собой сначала утрату партией власти, а затем развал Советского государства. На самом деле идеология здесь все-таки вторична. Власть партии и ее вождей с момента возникновения тоталитарных режимов держится не на идеологии, монопольно существующей, а на массовом терроре. Только террор позволяет партийной власти вбивать в сознание подвластного населения идеологические догмы. Здесь более важны другие вопросы: каким образом государственный террор оказался возможен, насколько он эффективен, и каковы исторические сроки его использования? Теория данного вопроса крайне сложна, поскольку культурно-исторические условия каждой страны, где был, есть или формируется

тоталитаризм, везде свои. Во всяком случае итоговый и в известном смысле универсальный ответ мог быть таким: партийная тоталитарная диктатура появляется не вследствие распространения или насаждения т.н. утопического идеала, а в результате предрасположенности к тоталитаризму самого народа, его национальной культуры. Насущные проблемы общества и базовые принципы национальной культуры могут сделать тоталитаризм почти неизбежным. Террор, к которому прибегает государство, есть не следствие партийной идеологии, не требование политического идеала, а необходимый элемент государственной жизни, ею порожденный и признанный наиболее эффективным средством проведения политики на данном историческом этапе. Строго говоря, любое государство (в т.ч. с режимом либеральной демократии) при определенных условиях может перерасти в диктатуру и использовать массовый террор как метод управления страной. Если этого не происходит, то не потому, что террор противоречит официальной идеологии (политическому идеалу), а потому что без него можно обойтись. Использование государственного террора — требование жизни, а не политического идеала. В данном контексте попытка Поппера разоблачить политический утопизм в качестве основы тоталитаризма выглядит наивной. Он выбирает ложную цель, возможно, интуитивно понимая, что рассмотрение тоталитаризма в качестве следствия естественного саморазвития общества может привести к его оправданию. Признание того факта, что тоталитаризм рождается самой жизнью, а не утопической идеологией, ведет к историцизму (если использовать терминологию Поппера), т.е. историческому оправданию разного рода диктатур, признанию их объективной заданности. Поппер утверждает, что нетерпимость утопического идеала к инакомыслию, фанатизм его носителей рождает радикализм в политике. Представляется, что это не так: Гражданская война в России определялась конфликтом не идей (социалистических, либеральных и монархических), а интересов и борьбой за власть. Цена была слишком высока: собственность, благополучие и жизнь.

Согласно Попперу, утопизм, ставя перед собой цель — коренную ломку общества, с неизбежностью требует революции, диктатуры и насилия. Утопическое сознание, по логике его мысли, соединяясь с действительностью, порождает большую кровь, что должно быть полностью, полагает он, исключено. В данном случае Поппер опять-таки следует за мыслью основоположников марксизма-ленинизма: теория социализма, привнесенная в рабочее движение, рождает революцию («идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой»); будущая революция — первый шаг в обширном плане социалистических преобразований; революцию надо готовить и приближать ее с помощью политической пропаганды. Здесь Поппер то ли упускает, то ли намеренно

игнорирует два важных момента. Во-первых, революцию как способ радикального преобразования общества невозможно планировать. Революция — всегда стихия, обусловленная множеством факторов. Ни Великая французская революция, ни Февральская революция в России никак не ожидалась, их никто специально не готовил, они совершились в силу естественного хода вещей. Большеви́стская революция — это побочный результат Февраля, который мог состояться, а мог и не состояться. Большевики, придя к власти, никакого конкретного, детального плана преобразований не имели, все решалось по ситуации, исходя из общих программных целей и борьбы за власть. Поппер же придает революции вид некоей политической технологии, которую люди по своему усмотрению могут использовать или не использовать. Исходя из текстов Поппера, можно сделать вывод, будто создав социальную доктрину, получившую поддержку в известной социальной среде, можно сделать ее средством социальных преобразований. На самом деле и политический идеал, и революция как способ его реализации становятся реальностью лишь при наличии особого рода условий, предсказать которые люди не способны.

Во-вторых, Поппер отвергает революцию, как бы забыв, что именно буржуазные революции покончили с феодальными порядками и установили либеральную демократию, признанную им образцовой. Английская и французская революции демонстрировали все то, что Поппер решительно осуждает: стремление к коренной ломке общества, фанатизм, насилие, кровь. Согласно его критериям, обе революции — пример утопической социальной инженерии. Проблема как раз в том и состоит, что люди не способны ни прогнозировать свое будущее, ни сознательно и планомерно его приближать. Социальная действительность противостоит им как объективная безличная сила, где воля субъекта, личная инициатива не играют решающей роли. С точки зрения Поппера, утописты ставят нереалистические цели, а затем тоталитарные режимы губят миллионы людей ради их достижения. Дело подается так, будто рационально поставленная, но утопическая цель способна породить тоталитарный режим. На самом деле тоталитарный режим не является результатом

рационально проводимой политики. Сталинский социализм — не проекция идей Маркса и Ленина, а естественный результат русской жизни, своеобразная модернизация по-русски, реализованное сознание русского крепостного.

* * *

Поппер глубоко прав в том, что в основе т.н. рациональной инженерии лежит метафизика, социальная мифология, что делает его взгляды реалистическими. Опираясь на данную посылку, следует сделать вывод, что любое социальное прогнозирование, любая социальная доктрина, любая философия истории есть в своей основе утопия. Метафизика любой социальный проект вводит в область гипотез большей или меньшей степени вероятности. Вместе с тем Поппер отступает от своего базового тезиса о первичности метафизики, призывая к максимально возможной рационализации социальной жизни и сферы политики, в частности. Рациональность — коренное свойство людей, но нельзя его переоценивать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги / пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. Т. 1: Чары Платона. М., 1992. С. 29, 128, 129, 142, 144, 146, 148–152, 155, 161–169, 172, 173, 176–178, 185, 186, 201, 204, 210, 248.
2. *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения. Рост научного знания / пер. с англ. М., 2004. С. 588–592, 594, 599.

REFERENCES

1. *Popper K.R.* Open society and its enemies / transl. from English ed by V.N. Sadovsky. Vol. 1: The spell of Platon. M., 1992. P. 29, 128, 129, 142, 144, 146, 148–152, 155, 161–169, 172, 173, 176–178, 185, 186, 201, 204, 210, 248.
2. *Popper K.R.* Assumptions and refutations. Growth of scientific knowledge / transl. from English. M., 2004. P. 588–592, 594, 599.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич —

доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. —

Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of theory of state and law and political science of the faculty of law at Lomonosov Moscow state University; 1 Leninskie Gory, building 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia